

Живыми нас уже не ждали

ТРУДФРОНТ

Эти воспоминания часто приходят ко мне бессонными ночами. Молодость, война, учеба, бомбежки, трудфронт... Может быть, потому, что ярче молодости – на какое бы время она ни выпала – ничего не бывает? А может, ничего страшнее, чем война, нашему поколению испытать больше не пришлось? Вспоминаются проселочная дорога, летящие с неба бомбы, бегущие к лесу молодые ребята. И среди них – я, студентка Ярославского автомеханического техникума Лида Егорова.

Отец ушел на фронт в 1941-м. Брат мечтал отправиться за ним, да годков не хватало. Боялся, что не успеет немцев бить, ведь 18-то исполнится только в 1945-м. Успел – ушел в 18 лет добровольцем, а 19 ему уже не исполнилось – погиб под Калининградом. Я о фронте и не думала – на маминих руках была грудная сестренка, надо было ее поднимать. После школы собиралась в институт, но пошла в автомеханический техникум – скорее профессию получить. Многие одноклассники ушли на фронт сразу после выпускного вечера, а уже в сентябре 1942-го в школе висели портреты тех, кто погиб за Родину. Но все-таки и мне пришлось близко познакомиться с фашистами – студентов города отправляли на трудфронт под Ленинград. Находились и такие, кого родители правдами и неправдами освободили от опасного путешествия. Но из нашей группы поехали все как один. Получили свое «оружие» – лопаты, погрузились в теплушки и отправились.

Из Ярославля шел большой эшелон товарных вагонов, в которых рабочие, студенты вузов и техникумов ехали к передовой копать окопы. Из 100 студентов в нашем вагоне было только двадцать девочек. Самым старшим – девятнадцатой. Ехали весело – с гармошкой, песнями. На девушках кокетливые шапочки «кис-кис», которые тогда были в моде. Перед отъездом и мне мама сшила такую шапочку из своей старой котиковый шубки. Корнили так, чтобы только не упали от истощения, – давали маленький кусочек хлеба с маслом. Ни о чем плохом не думалось: молодость не верит в беду. У Вологды стали попадаться встречные составы – они

шли с ранеными. Из окон кричали: «Ребята, прощайтесь, там бомбят!»

Чувства страха не было, гармошка продолжала играть. Замолчала только за Свирьстроем – начали бомбить. Странное название этой станции запомнилось навсегда, никакой склероз его не взял. Немец наступал, уже не только бомбили, но и совсем близко стреляли. Дали команду – отступить. Взяли в руки лопаты – и по дороге быстрым шагом. В день надо было делать 30 км. Отступала армия, вместе с ней шли несостоявшиеся молодые ярославские бойцы трудфронта. Иногда удавалось проехать немного на танке – и снова почти бегом. Немец догонял, выстрелы звучали все ближе и ближе. Запомнилось, как одна женщина остановилась на дороге и, обращаясь к солдатам, сказала: «Да здравствует героическая Красная Армия, которая так смело отступает!»

Шли не только военные, но и люди из сел и деревень, с детьми, каким-то скарбом. От бомбежек прятались в лесу. Идти было так тяжело, что лопаты пришлось бросить, а потом стали оставлять и свои вещи – нести не было сил. Когда удавалось поспать, ложились вместе, не разбираясь, девочки рядом или ребята, укрывались тем, что оставалось из одежды.

Благодородство тех мальчишек не забыть. Помогали, подставляли свои надежные руки, когда становилось совсем невмоготу. Таких ребят больше нет, видно, все на той войне и остались. Голодали. Собирали ягоды на кустах, съедобную травку. Несколько девочек отравились – и мальчишки, скрестив руки, по очереди несли их, пока не дошли до медсанчасти. Если встречалось на

пути поле – это было счастье. Собирали оставшуюся на нем картошку, а местные жители говорили: «Вы хуже немцев, после вас ничего не остается».

Наш отряд из ста человек шел последним, следом двигалось несколько танков, подбывая тех, кто уже не мог идти. Один студент-медик предложил: «Давайте останемся, картошки напечем, а потом нас подберут – доедем». Но никто не остался, ребята были честные, на хитрости не пускались. А наш студент так и поступил – наелся печеной картошки и

хлебом свежеспеченным пахнет и каравай под полотенцами лежат, остывают. Хозяева сказали, что хлеба нет. В терраске, когда выходили, подружка взяла у них все-таки пару картошин. У дома стоял мальчик и ел ватрушку. Красивая такая ватрушка, румяная. «Отними у него. Он маленький, ему еще дадут», – предложила подруга. Да разве будешь у ребенка отнимать!

Потом нас, совсем обессиленных, привели отдохнуть в барак, где до недавнего времени были заключенные. Вот тут

Фото из домашнего архива Л. Д. Егоровой. Студентки 1942 года.

догнал нас на танке. Так он к этим танкам и пристроился, только рукой махал, проезжая мимо. В мирное время стал врачом и работал всю жизнь в Ярославле. Но встречать его было неприятно, всегда вспоминались трудфронт и его улыбающаяся физиономия на танке, проезжающем мимо.

Мы шли и шли. По дороге заглядывали в пустые магазины – на прилавках стоял только кетчуп. Вкус его тоже запомнился на всю жизнь – пили маленькими глоточками прямо из бутылки. Очень хотелось есть. Когда совсем одолевал голод, решались попросить хлеба. Зашли с подружкой в дом –

и начался «отдых»! Спать мы не могли – ночи напролет били вшей. Промучились в бараке две недели – и пришел приказ Сталина всех студентов вернуть учиться.

И мы снова пошли. По дороге увидели такую картину – мужчина грузит в телегу свои вещи и сажает беременную жену. Мы так их жалели! Мужчина разрешил нам забрать все, что осталось в доме. Я взяла два куска хозяйственного мыла. Ребята свернули головы курам, сварили суп, мы первый раз за все путешествие наелись. Даже меду раздобыли – пришли с хозяйской пасеки искусанные, но со сладкими трофеями. По-

ка мы пировали, немец подошел совсем близко. Кто-то крикнул: «Немцы за рекой!» Тут уж не идти пришлось, а бежать. По дороге бросила свой жакет, туфли, куски мыла.

Армия сдерживала немцев, а мы, уже совершенно измученные, все шли и шли. На пути встречались магазины – уже не пустые, на прилавках лежали хлеб, масло, но остановиться мы не могли даже на минуту. Орудия били нам в спины. Когда подошли к реке, нас разделили: студентов на одну баржу – домой, в Ярославль, а всех остальных – на другую, в Петрозаводск. Под Ленинградом они все погибли, попав под бомбежку. А мы приплыли в Череповец, там пересели на красивый белый пароход и продолжили свой путь по Волге. Почему-то запомнилась красота этого парохода. Наверное, потому, что она была несомненно ни с войной, ни с нашим изрядно потрепанным видом. На остановках бежали на берег – там в котелки бесплатно наливали похлебку. Как-то мы, несколько девочек в своих ободравшихся одеждах и неизменных модных шапках «кис-кис», стояли у входа в столовую, не решаясь войти. Проходившая мимо женщина сказала: «А это что еще здесь за шпана?» Очевидно, даже для военного времени вид наш был очень нехорош. Но похлебку дали.

Живыми дома нас и не ждали – слух о том, что эшелон разбомбили, дошел до наших близких. Мама, увидев меня, плакала и смеялась. Когда успокоилась, начала меня кормить. Съела я тогда целую кастрюлю картошки и заболела – после голода нельзя было так наедаться. Но это были такие мелочи – ведь я была дома, рядом с мамой!

С девочками, которые шли рядом по той страшной дороге, мы дружили всю жизнь. Только теперь эти воспоминания о трудной нашей юности разделять уже не с кем. Но когда не спится, снова и снова встают перед глазами проселочная дорога, ползущие по ней танки и мои верные подружки в смешных и трогательных детских шапочках «кис-кис».

Записала
Марина ПЕТРОВА.